

84(2 Рос=Рус)Б

К

Р 98

ИРИЖА РЯБИИ

ВЫСОТА

ЖЕВЕДОМОГО

СВОДА

Сборник стихотворений

Ханты-Мансийск

2004

ИРИНА РЯБИЙ

**ВЫСОТА
НЕВЕДОМОГО
СВОДА**

-084955-

Ханты-Мансийск

Государственная
библиотека
Югры

2004

03

Государственная
библиотека
Югры

КО

ББК 84(Рос=Рус)6-5

УДК 82-1

Р 98

Рябий, Ирина Геннадьевна

Р98 Высота неведомого свода: Стихи. – Ханты-Мансийск, редакционно-издательский центр ЮГУ, 2004г. – 84с.

ISBN 5-9611-0006-5

Автор выражает благодарность
ректору Югорского государственного университета
Ю.И.Реутову
и директору редакционно-издательского центра ЮГУ
И.И.Саханенко
за содействие в издании сборника.

ББК 84(Рос=Рус)6-5

УДК 82-1

ISBN5-9611-0006-5

© И.Г. Рябий, 2004

© Оформление. РИЦ ЮГУ, 2004

ПОВЕРЬЕ

Есть на свете поверье:
Перед большой бедою
Тихо плачут деревья,
Шепчутся со звездою.

Слышите, плачут деревья,
Рвутся их струны-ветки,
Шире раскройте двери –
Время в них бродит ветром...

Плачут деревья, как дети,
Жмутся к любому дому,
Тянут усталые плети
Они ко всему живому.

Только и днем и ночью
Глухи людские души,
Заперты двери прочно –
Что их покой нарушит?..

Слышите, плачут деревья –
Людские простыли слезы,
Деревьям внимают веря
Только далекие звезды.

Стараюсь быть, как все: не мучиться напрасно –
И в черный цвет облечь белесые крыла,
Стараюсь быть, как все – не то объявят гласно
Чудачкою чумной и будут бить со зла...
И каждый день, с толпой смешавшись, исчезаю,
И кажется, что я – цветочная пыльца:
В заботах и делах распылена, не знаю,
Кто в зеркало глядит из моего лица...
Сомнения гоня, я в буднях все ж твердею:
И грезит лишь душа о светлом житие,
Подвижников глаза, – на них взирать не смею, –
Все в памяти моей, как снов небытие.
Кручусь с утра в кругу, как пойманная белка,
Опаздываю вновь, который раз бегу...
Внутри стучит... Щелчок! И отвалилась стрелка:
Стараюсь быть, как все, да что-то не могу!

* * *

Ничем не лучше и не хуже
Иных провинциальных дыр:
Все та же грязь, все те же лужи,
Один всегда на всех кумир.

И если личность, то типична:
На свет газетным тиражом
Ты вышел и стоишь привычно
В очереди за вином...

Пух тополиный всюду кружит,
И брань несется из квартир:
Ничем не лучше и не хуже
Иных провинциальных дыр.

* * *

Я гляжу в окно:
Городской пейзаж –
Как один этаж,
Да на другой этаж,
А на семь дворов
Дерево одно.

Городской пейзаж –
Преисподней рай –
В пляске труб и крыш
И цветных афиш
Под вороний грай,
Под дождливый блюз.

Городской коллаж –
Мой смертельный флюс:
Из газет-цитат,
Из углов-домов,
Из людей-дымов,
Где в кольце дорог
Я стою одна.

Я стою одна
И гляжу в окно:
Где среди камней,
Где среди столбов,
Где среди людей
Дерево одно?

* * *

Бродило лето где-то по лугам
И заглянуть в мой город не спешило,
А я и платья все уж перешила
И слушала шаги по вечерам.
Но слышала я только наяву,
Как мучит дождь деревья и траву,
Стучит злорадно в крыши и стекло
И говорит, что кончилось тепло,
Что снова наступили холода,
Что заблудилось лето навсегда...

ЧЕРДАК

Наш общий друг – такой чудак,
Знакомы с ним давно, –
Единомышленник, чердак,
Найти его легко:

Ступеньки прыгают – конец!
Вот знак – пошире шаг.
Да здравствует ничей дворец
И наш очаг!

Здесь каждый стул и каждый стол –
Не антиквариат,
А наш сподвижник и престол,
Наш сводный, сходный брат.

Из моды вышли, что ж теперь, –
Достань попробуй, вон!
По-гофмановски скрипнет дверь
В историю времен.

Платон и Кант, Камю и Фрейд
Тут спорят и растут,
И стихотворный, горный бред
Уносит в высоту.

А там, внизу, шумит река –
Суетных дел поток, –
Девиз которой на века:
“За нами хоть потоп!”

Опасен высоты урок,
Зато в проемный мрак
Нам в звездном небе виден Бог –
Ему же – наш чердак!

* * *

Я поссорилась с мужем
И весь день проходила по лужам
Собственных слов и слез,
Чтоб получить простуду.
Била посуду.
Повсюду
Шептались соседи зло...
Но мне чертовски везло:
На полке нашла я книгу
И загадала мигом,
И вышло о женской мести,
О глупом и вздорном жесте...
И о любви еще!..

Тогда я швырнула Блока –
Его я считала богом! –
Да бог с ним, пускай язвит...
Взяла и плеснула в солнце
Остатками черной туши –
И сразу же тучи-туши
Из моего оконца
На светлое небо вползли.

И стало на сердце пусто,
И тускло, и странно-грустно,
Но я не теряла счет:
Яркой оделась краской,
Нарисовала глазки,
Пошла уже было, но...

Разделась и снова села:
Ах, как это все надоело! -
И мыть принялась окно.

ЛИЦО

Где же ты, где же ты,
Самое-самое первоначальное,
Звездно-туманное, утренне-снежное,
Радостное и печальное –
Лицо мое прежнее?

На улицах людных, в пустых ли квартирах,
На чьих-то портретах случайно оставлено,
Злым зеркалам ли раздарено
И пустотой их раздавлено?

Тебя раздавала знакомым я,
Как воду, всю в солнечных зайчиках...
Лицо ты мое искомое,
На чьих ты осталось пальчиках,
Точно пыльца от бабочек?

Зачем ты, такое чистое,
Губами выпито жадными?..
Какими-то черными числами
Тебя потеряла, жалкая!

Мышиными днями растаскано
По крошечкам меньше маковки,
Раскрашено страшными масками,
Нет глаз тех, которые плакали...

По миру, как по миру,
С мыслью одной отчаянной:
Где же ты, где же ты,
Первоначальное?!

ВОКЗАЛ

Вот дом. Как бездомен казенной
Заплеванной мебелью. Семь.
Я выйду отсюда казенной
Или не выйду совсем.

Сюда я вошла без стука
Здесь лица людей – река.
Не страсть и не смертная мука –
Разлука здесь правит века.

Огромный, казался тесным
Засиженный мухами зал, –
И это проклятое место
Закат целовал.

У ИСТОКА

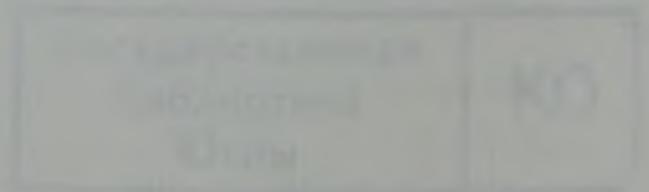
Художнику В. Самару

Есть древнее стойбище вод,
Ложе, где спишь как в детстве,
И веришь, что в сеть попадет
Реки беспокойное сердце,
Что можешь поднять волну
И убаюкать меж веток,
Как прежде во всю луну
Тебе улыбнется предок.
Он сгонит с души туман –
В ней зашумит тайга:
Ветер – лесной шаман
В бубен начнет играть,
Звезды бросать шутя,
Вызовет духа вод,
Духов земли, огня...
Встанут они в хоровод:
“Помни одно, дитя, –
Станут они шептать, –
Старое стойбище ждет
У родника природы,
Там красная рыба идет
В светлые воды!”

* * *

Меня б давно сожгли,
Жила б я в той дали
За взгляд наоборот,
За мой упрямый рот.
За то, что не кричу с другими в унисон;
За то, что не хожу к начальству на поклон.
А если и хожу,
То фигушку держу
При этом под столом...

За то б сожгли меня, –
Что, верно, я – есть я.

РОДНОМУ ГОРОДУ

Сошлось случайно: юность наша
Прошла в дни юности твоей,
Мой город – символ дней вчерашних,
Идей безумных и людей.

Но мирно старятся кумиры
Среди кварталов заводских:
Островский Николай и Киров –
Уж не поднять на подвиг их...

Назло надменному соседу
Был возведен, чтоб сеять страх...
И веря в полную победу,
Гамарник не замерз в снегах...

С тех пор прошло почти полвека...
Где твой теперь высокий слог,
Мой Комсомольск, мой город? – Летой
Течет Амур, суров и строг!

ВОСТОК

Туда, где восходит светило,
По чьей стороне алтари,
Туда устремляли все силы
Российской державы цари...

Источник безумств и скитаний,
И тайн, и богатств, и тревог –
Не хватит ничьих заклинаний,
Чтоб путь преградить на Восток!

Там, где восходит светило,
С алтарной восстав высоты,
Остались родные могилы –
А в них почивают мечты.

- 084955 -

СЕМЕЙНОЕ ПРЕДАНИЕ

*Памяти моей бабушки
Евгении Ивановны Безденежных,
урожденной Киселевой*

Селенье Киселево-на-Амуре
На карте появилось неслучайно:
Прапрадед Киселев Евграф,
Казак уральский, бывший каторжанин,
Ища себе пристанище на старость,
В начале самом нынешнего века
Пристал к крутому берегу Амура.
Мне баба Еня сказывала в детстве,
Как, встав с плотов, его семья большая
Сперва землянки рыла для зимовья,
А год–другой – и выросли дома,
Нехитрое хозяйство завелось:
И дичь, и рыба – вдоволь было пищи.
Поблизости и золото, и известь.
Сюда стекаться стали казаки:
Ни глухомань, ни дикий вид реки,
Ни рев тайги ночной – ничто не устришило
Первопроходцев, сорванцов, вояк,
Видавших виды и чужие земли, –
Так выросло селенье Киселево.

Преодолимы трудности тайги,
Но трудности времен иных – морока:
Ни бейся сколько – все не одолеть.
И вот на грех приспело лихолетье,

Змеею расползлося по земле
И добралось до мирной Киселёвки.
С бесовской бандой атаман Тряпицын
Спешил устроить счастье на весь мир,
Решил Амур делить на равны части:
То большу часть – честны казацки души –
Хотел отдать ребятам душегубцам,
А жен их – “стерв” – куму социализму
(По книжкам где им разуместь науку?),
А их детей – на перевоспитанье
Реке Амуру – он научит воле!
Лишь малу часть – одно добро казацко –
Своей зазнобе, Лебедевой лютой.
Не вынесли обиды казаки –
Все встали на защиту Киселевки.
Иван Евграфыч, славный прадед мой,
Повел отряд не в добрый час на битву.
Не равны силы были. Далеко
Увел врага, но потерял людей он.
Под Мариинском бедного казнили,
Четвертовав и в прорубь рыбам скинув...

С тех пор семья прадеда поредела
И разбрелася вся по белу свету...
Была я как-то в этой деревеньке –
Никто не помнит толком Киселевых:
Ни дома голубого, ни погоста.
Да бабушки Евгении любимой
Давно уж нет на этом белом свете!
Осталось лишь название селенья,
Селенья Киселево-на-Амуре.

* * *

Потомок, презревший завет,
Покинувший землю родную,
Которую тысячи лет
Искали, о вере ревнуя.

Обломок старинных родов,
Дошедших за правду до точки,
Куда ты, престол твой готов?!
– Я жажду первоисточник!

* * *

Я в городе моем чужая всем:
Не у себя как будто – за границей.
И дом забыл мои шаги совсем,
Но детством пахнет двор,
споришь с душицей...

И все на месте, но чего-то нет...
Едва родные лица различаю –
Вот так же через сколько-нибудь лет
В воспоминаниях их себя я не узнаю.

* * *

Сказано: все мы гости
На этой земле бесчастной –
И брать на пути к погосту
Не стоит ни денег, ни счастья;

Не землю любить, но волю,
Не корни растить, но крылья. –
И сердце сочится кровью,
И рвется душа в бессилье:

Земля моя, край болезный,
Тебя покидаю надолго,
Учусь, – хотя бесполезно, –
Бесстрастно быть и холодной.

* * *

Когда я вернусь домой,
Устав от чужих вокзалов,
Вам поклонюсь, Хабаров, –
И вы мне махнете рукой!

Трамвай приползет нескоро,
Скрипя и вздыхая в такт,
Родители дверь откроют
И только воскликнут: “Ах!”

Но, прерывая вздохи,
Распросы на целую ночь,
Отец изречет: “Не плохо б
И накормить нам дочь”.

И молча пойдет готовить,
А мама вздохнет вослед:
“Иди, наш голубчик, а то ведь
Сдавать что-то стал наш дед.

Болезни, одни болезни,
И край наш болезным стал,
До твоего отъезда,
Не зря твой цветок завял...”

И потечет беседа...
За окнами рассветет,
И воссияет лето –
Ангел над ним вздохнет.

ПАСТУШОК

*Памяти моей любимой тети,
Инны Ивановны Безденежных*

В твоём доме всегда жилось легко,
Не потому ль, что на висевшем блюде
Играл пастух на дудочке о чуде –
И облака клубились высоко,
И улыбались по соседству люди.
Казалось, что конца тому не будет,
И праздник лета длится далеко.

Но вот болезни превратились в будни, –
Потом тебя не стало... А Садко
На дудочке все в том же рококо
Играет мне о невозвратном чуде.

* * *

Ветер подул – и дожди полились:
сыро и зябко.
Каждый прохожий, бредущий по лужам,
думает:
«Хоть бы, ветер подул и унес эту слякоть»!

КНИГИ

– Зачем тебе романы, да стихи?
Лови удачу – жизнь летит неслышно:
И не заметишь, как старухой станешь,
А в пыльных книгах счастья не найдешь...
– Глупец, я с книгой проживу твоих *сто*
двадцать жизнью!

ВЗГЛЯД С ПОРТРЕТА

И не нужно вокзала
И машины времен –
Зал, сменяя вновь залом,
Мы музеем бредем.

Нас встречают миры
Без вражды и приветов,
Равнодушно горды
Все для здешнего света.

Но сверкнули глаза...
И опять они где-то,
Точно рядом гроза,
А ни тучи, ни ветра!

Выход – ясен, а вход
Безнадежно утерян;
Кто раскроет нам код,
Размурует те двери?

Тише, экскурсовод,
Посмотрите на это:
Будто солнечный сноп
Льется прямо с портрета.

Озаряя века,
Этот свет к нам стремится,
И в глазах старика,
Видим мы наши лица...

И откуда он, где
Тот источник есть тайна, —
Но глядит человек
На меня не случайно...

И не думай, что я...

И В свитере ультрасовременном
Ты стоишь, привычке верный,
Куришь “Яву” и болтаешь
О театре и кино...

Но я чую ухом нервным:

Подступает Хаос древний –
Из зеленых глаз твоих глядит
Аид!

И не думай, что я...

* * *

Что может быть лучше жгучего ветра,
Когда под тобою безудержный конь,
А впереди разгорается вечер
Зеленой звездой и песней погонь!

Мчаться и мчаться, не зная предела, —
И смерть не страшна, что летит за конем:
Наша мечта легким сделала тело
И опалила нам души огнем.

Эй, берегись, удержишь, кабальеро:
Конь твой хромает и плачет звезда! —
Да сохранит тебя светлая вера, —
Не уступай только смерти седла!

Что может быть лучше жгучего ветра,
Когда под тобою безудержный конь, —
Не остановит безумного бега
Даже звезда, что сорвалась в ладонь.

СТРАСТИ ПО ВЛАДИМИРУ

В этом мире разумном,
Где нет зла без добра,
Словно в мусорной урне
Я алкала зерна.

Кто ты, ангел? Кто дьявол?
Ночь и день – близнецы,
В нашей сумрачной яви –
Все святые отцы.

Ночь идет – и сияет
Реклам суета.
День встает, уставая
Уже сам от себя.

Дьявол снова у власти,
Просит нимб напрокат, –
Для всеобщего счастья,
Не жалея затрат.

Где ж ты, новый апостол? –
Старый кончился век:
Смотрит черный философ
Из-под ангельских век.

ВОЗМОЖНОСТЬ

Сама возможность встретиться случайно...

Возможность вдруг, внезапно, словно...

Сонной за провод оголенный ухватиться —

Сорвать стоп-краном бешеную скорость —

И страшный скрежет и кошмар вагонный

Узнать. И все ж возможность...

Что это?

Видением в метро по лестнице

Ты проплывешь сияя,

Подобно фантастической тарелке,

А за тобой толпа зевак немая,

Стирая обалдения в гляделках:

“Не может быть, чтоб в небе он исчез!”

А после слать Капице письма и звонить:

“А как на счет чудес?”

“Я? Трезв?” “Мы... без...”

На что наука, соблюдая осторожность,

С экрана изречет: “Чудес на свете нет,

Но есть возможность...”

Проходят дни и месяцы... и что же?

И, верно, умереть с возможностью

возможно

Так и не встретившись, но знать, что

где-то здесь

Ты ходишь, и возможность все же есть!..

МОЯ МАРИНА

Я помню тот серый заброшенный дом,
Куда ты меня несла,
И руки твои, и глаза потом...
И слава тебя не спасла...

Я помню, Марина, твои шаги,
Что уходили в года...
Я знаю, Марина, твои стихи —
Я дочерью твоей была.

Но и теперь мне, Марина, ты мать —
Твой голос такой родной!
Он отзывается, — как не узнать, —
Дерзкой моей строкой.

ОКУДЖАВА ПОЕТ

Тишина, подбирая ключи, обмирает:
Ни один из ключей в эту скважину чар не идет –
Эти песни сложил человек, что-то тайное зная,
И рукой его, видно, водил сам Господь!

Золотою воронкой луны раскрывается дека,
Источая таинственный свет, точно мед.
Его голос течет по вечернему небу, как млеко,
По заветным тропам нас любви Окуджава ведет.

Окуджава поет – мы, внимая ему, тихо плачем,
Словно найден колодец, что в нас нераскрытым
живет,

Окуджава поет – день становится чист и
прозрачен

И душа воспаряет и к горним просторам зовет.

ОКТАБРЬ

Леса знобит, и тянет в окна
Прогорклым соком октября,
Конец сегодняшнего дня
Едва ль отметит солнце оком.

А завтра новая нужда –
Мой день рожденья и застолье.
Все будут мне желать здоровья
И говорить, что и всегда...
И пей до дна, и пей до дна, и пей до дна!...

Октябрь чайнкою отчаяний
В моем трепещется стакане –
Не хватит духа допивать...

ДУЭЛИ

Дуэли,
 дуэли,
 дуэли...
В метели,
 дожди, жару...
К снежной постели
Мы не успели –
 ой, не к добру!
Веками на помощь бегу
По следу,
 по слуху,
Хватило бы духу
 на том берегу...
Дуэли,
 дуэли...
Дуло и дым:
Отдана дань
 дамам и дням –
 и многим другим...
Вот она, грань!
Дуэли,
 дуэли,
 дуэли...
Два секунданта, шаги...
День покачнулся на древней качели:
“Дети.
 Не отдал долги...
 Как тошно...”
Губы дрожат у друзей,
 Кровит на снегу морошка.
Дантесы всегда у цели,
 Лишь я опоздала немножко...

ЛУННЫЙ БРЕД

Зыбкий свет неусыпный
Вероломства и бед,
Кто-то страшный и скрытный
Замечает свой след...

Сон глаза застилает,
Страх уснуть не дает:
Вот луна золотая
Доброй феей плывет...

Обернулась – и где-то
Послышался плач,
Обернулась со смехом –
А рядом палач.

Желтоглазый и жуткий,
Выжимает свой плащ,
Надвигается гулкий
Безудержный скач!

Вот и всадник у цели –
Перед ним я нема,
Завыванье метели,
И чужие дома.

Всадник целится в злобе,
И в глазах его смерть,
Я увязла в сугробе:
Ни бежать, ни лететь...

* * *

Не избранница, а изгнанница
На пиру у хмельного лета, —
Красишь волосы зря, красавица,
Не дожидаться тебе рассвета.

Ах, Диана, ах, фея ночи,
Неужели иссякли чары? —
Словно звезды, померкли очи,
Каждый шаг стерегут кошмары...

Стали стрелы слабее, чем травы,
Травы ранят, как стрелы, насмерть,
Где твои колдовские отвары? —
Обернулось отравой счастье.

Все покинули или снится —
Вновь охотница, вновь одна...
В обмелевшую речку глядится
Бледнолицая, как луна...

ПТИЦА

По мотивам Шелли

А птица за окном все о любви грустила
На дереве пустом,
На небесах звезда застыла,
И холод крался в дом.

Пустынный лес глядел уныло
На прошлогодний лист,
И мельничье крыло лениво
Срывалось все на визг...
А птица за окном все о любви грустила.

ШЕЛЛИ И ЛУНА

Он искал постоянства – того же она,
Созерцая земное, как сон.

И она – бесконечно томна и бледна,
В очарованном трепете – он.

И однажды, когда ее горестный лик
В сотый раз изменил все в округе,
Он хотел удержать и не смог лунный блик,
И тогда, как сомнамбула, выверил нить:

“Нет, *навек* нельзя ни гореть, ни любить,
И быть верным неверной подруге”.

ПОЭТ И СМЕРТЬ

Ф.Г. Лорке

Она приходила часто,
Меняя всегда обычай,
Пряча под каждой маской
Взгляд безучастный. Безличья
Холодное оцепененье;
Пугала воображенье
Своей пустотой непривычной.
Металась зрачком кошачьим
По небу, ловя добычу,
Ревом врывалась бычьим
В уши упавших тореро.
Старухой, нищенкой серой,
Смотрела в людские очи...
И было страшнее ночи
То, что она напорочит.
Однажды на карнавале
Явилась тремя игроками –
Азартные были гости:
Сели играть они в кости
И выиграли сердце поэта,
И спрятали в сумраке века...
.....
Лопнули тонкие струны,
А в небе – черные луны
Струятся холодным смехом
И рассыпаются эхом...

* * *

Чужая всему, ни о чем не жалея,
Лечу я по свету кометой Галлея.
Комета Галлея, комета печали,
Начало скитаний, ей негде причалить.

Мигают огни
 абажурным уютом,
И манят они,
И о счастье поют вам...

Но нет остановки душе бесприютной, –
Ни участи светлой, ни славы минутной –
Несу на себе приговор отверженья –
Комета исканья, комета гоненья, –
Лечу по пустыне меж солнц, леденя,
Кометой проклятья, кометой Галлея...
И нет впереди ничего, кроме бездны,
И даже о смерти мечтать бесполезно...

ЗАКОН ЖАНРА

Нет сказки без конца,
В котором все, как в сказке:
На блюде два кольца,
И гости за столом,
Горят огни кругом,
И в сказочной развязке
Не слышен никому беды грядущей гром!

Кто верит – тот смешон – всем чудесам о феях:
Все явственно, все быль: и яства, и жених,
Хрустальный башмачок – забыли о трофеях,
На много-много лет он в сундуке притих.

И след запорошен,
По бездорожью – тряска.
Где было волшебство,
Давно поблек рассвет.
Ведь там, где хорошо,
Там исчезает сказка,
Ведь там, где хорошо,
Там больше сказки нет!

* * *

Молвила брату сестрица:
“Ваня, не пей из копытца!”
Молила Ивана Марья:
“Не тронь только горницу дальнюю!”
Велел Бог Адаму: “Дети!
В саду сем пребудьте веки –
Не трогайте дерево смерти, –
Познав его, станете смертны!”

Ослушался братец сестрицы,
Испил он студеной водицы –
Запрыгал козленком, заблеял:
“Аленушка, что я наделал!”
Иван не послушался Марью –
Открыл он ту комнату дальнюю –
На горе себе Кощея
Он отпустил, жалея.

Яблоко съела дева,
Адам искусился Евой,
И Бог их прогнал из рая:
“Свет познавайте, сгорая!”

Но в сказке герой воспрянет:
Вернет прежний облик Ваня,
Царевич Иван Кощея,
Конечно же, одолеет.

А я все книги листаю –
С древа того ль – не знаю:
Познания сладок яд:
И рай в нем сокрыт, и ад.

ТРАВА

Как трава разрушает асфальт и бетон,
Прорастает любовь сквозь меня, –
И шатается мой сверхстойчивый дом,
И сама я смертельно больна!

Я траву ту поляю
И что вырву – спалю!
И пошлю я друзей за врачом!

Но трава все растет
И безумьем цветет...
О мой старый, любимый мой дом!

МАРЬЮШКИН КРЕСТИК

На Ивана Купала
Марья купалась,
Рыбкой плескалась
Да крест потеряла
На желтых песках,
В густых камышах.

Креститель Иван
Восстал на Купалу:
“Ты – идол усатый,
Ты – змей подколодный,
В день твой негодно
Народу креститься,
В день твой – топиться!”

И богу взмолился,
И долго молился,
Чтоб люди забыли,
Навеки про страсти...
Чтоб реки залили,
Людские напасти.

А Марья-Моревна
Да с Ваней дружочком
Все тропки стоптали –
До утра искали
Крест под кусточком...
Марья срывала
Папоротник сице,

И ворожила
На брата сестрица:
“В костре – огонь,
В реке – вода,
Иван да Марья –
Кровь одна!
Камень Алатырь
Лежит на месте,
Но никогда не бывать нам вместе!”

Сердце иссушит желтый цвет,
Синий – зальет слезами свет:
Иван да Марья в цветке воскресли,
А под цветком-то Марьюшкин крестик.

* * *

Как солнце и луна, одним мы ходим кругом:
Ты следуешь за мной, — я вслед спешу тебе,
Но Богом суждено: нам не бывать друг с другом, —
Лишь встречи краткий сон при меркнувшей заре!

* * *

Дай вкусить уничтоженья...

Ф.И. Тютчев

Дай мне силу, лес уснувший,
Силу древних, темных чар:
Вод подземных злую стужу,
Недр глубинных смертный жар.

Пусть откроются мне двери
В мир запретный и немой,
Где в забытой колыбели
Дремлет Эрос молодой...

Эрос, встань, раскрой пучины,
Ввергни мир в хмельную хлябь:
Дай узреть первопричины,
Ужас весь и благодать!

Мир дряхлеющий, бездарный
Не спасет стальная бронь –
Только фениксов – угарный,
Очистительный огонь!

* * *

Ты – пустой, деревянный мальчишка –
Всё бы в поле тебе дураков,
И пылится ученая книжка,
С Коломбиной флиртует Петров!

Нет в каморке твоей тайной дверцы,
Золотого ключа от ночи...
Словно скальпель, смычок режет сердце! –
Ах, сверчок, замолчи, замолчи!

* * *

Уйду по-английски из жизни я вашей –
Случайно попавший на пир визитер,
Пока еще гости руками не машут
И дам покрывает таинственный флёр.

Когда натюрморт чуть нарушен соседом
И скатерть все также слепит белизной,
Покуда хозяевам чинным не ведом
Разгул моей русской души заводной...

Уйду по-английски из жизни я вашей,
Пусть пир не окончен, дом полон гостей.
Я меры не знаю, и это мне страшно...
Не так ли уйду я из жизни своей...

* * *

1

Сегодня опять: дела, дела, дела...
Сначала кухня, потом работа со своей кухней,
Потом вечером приходит кто-нибудь кто-то
И начинает говорить: “Дела, дела, дела...”
И незаметно у гостя пальцы становятся тоньше,
С лица исчезает краска,
И вот он уже под маской –
В руках инструмент, в глазах
Новокаиновый страх...
– Азота у нас довольно
(азот – веселящий газ)!
Терпите, уже не больно...
И десять вопросов задаст:
“Лет сколько? Детей? Так зачем же???”
Болела ли Боткина? Да?
И таз, полный боли и плоти,
Куда-то уносит сестра...

2

Мои нерожденные дети
Плачут на темной планете,
Плачут и тянут руки,
Слова, распадаясь на звуки,
Стихи – нерожденные дети,
Ужель вам не жить на свете?

ТРЕТИЙ ПУТЬ

Одной шаги звонки и легки,
Другой – небесная твердь.
Марина и Анна – два пути,
Но я выбираю третий!

Два голоса мне поют в ночи –
Сирин и Алконост,
Свои мне дарят они ключи
И лунный наводят мост.

Но я не иду, ключей не беру –
И все же, огонь храня,
В неизвестности даже пускай умру –
Восстану из небытия!

* * *

Высота неведомого свода,
И окрест ликующая мгла:
Вот она, желанная свобода –
Ни тепла родного, ни угла!

Разве где-нибудь на этом свете
Ноша есть блаженней ноши той? –
Здравствуй, брат мой, непутевый ветер,
Погуляем в поле мы с тобой!

И пускай не ждет своей подруги
В горьком доме сладостная ложь,
Если сердце подхватили вьюги,
Если душу охватила дрожь...

ВОСПОМИНАНИЕ О ВСТРЕЧЕ

Было все тихо так и спокойно,
Словно настало небытие:
Осень сияла, как на иконе,
И золотила лицо твое.

Откуда явился ты, как не с неба, -
Небом подаренный миг один!
Явился?! Не верю. Я, видно, ослепла! –
То канувший в небо осени дым...

Что сделаю я, когда на экране
Появится черт в элегантном костюме
Или столкнется на лестнице с вами
И скажет, что люди уже не спасутся,
Что мир на краю карамазовской бредни:
Топор на орбите – и звезды трясутся?

Что сделаю я, если как-то в июне
Встречу судьбу в виде черного смерча
И, вечером с губ отирая помаду,
Почувствую вкус отвратительный смерти –
Бессчетной песчинки пустыни Невада?

Я – та же песчинка Невады, ГУЛАГа ль,
Орудие мести чертовской затеи,
Кого так заботит всеобщее благо...
Я ж над вопросом одним каменею:
Что сделаю я?

ИСТИНА

На что опереться, скитаясь по свету,
по скользким путям, что ведут в никуда
тому, кто познания жаждет до дна...
Цепляюсь за звезды, а оных уж нету
в том месте, откуда я жду их луча.

И все ненадежно, обманно-коварно —
и чья-то улыбка, и просто ничья...
И дом может рухнуть как будто случайно
от взгляда косоного и звука звонка!

Да, все относительно, друг мой, покуда
к Вам вера не явится вдруг ниоткуда,
что истина есть и притом лишь одна!

* * *

Не пируют давно олимпийские боги
И не шлют сыновей к нам на подвиг и бой –
Все глядят, как Сизиф, сбивший до крови
ноги,
Катит на гору камень опять пред собой.

Так, подобно камням, век стремится за веком
Из Сизифовых рук с непреклонной горы,
Повторяя бессмысленный путь человека,
Над которым безглавая Ника парит!

СОН ЗОЛОТОЙ

Честь безумцу, который навеет

Человечеству сон золотой.

Беранже

На Красную площадь – красней нет на свете
От кровушки русской (не хватит морей) –
На Красную площадь по скользкой планете
Текут пилигримы сюда, в мавзолей.

Так вот ты какой, наш отеческий гений,
Ты, знавший, что делать, и общий исход,
На карту поставивший жизнь поколений,
Российский мессия, сулитель свобод!

Ты щедро делился кремлевскими снами
И сны золотые поныне глядишь,
Очнись, посмотри, что случилось-то с нами:
Где сон, а где явь – как теперь отличишь?

Идут, как сомнамбулы: люди – не люди?
Как время, застыл у ворот часовой...
А кровь все течет... Кто безумцев разбудит –
Нарушит всеобщий наш сон золотой?

Когда от веры русской отrekliсь
И вышли в путь, надеясь на “провидца”,
То заплутали, вспомнили молиться, -
От тех молитв лишь духи собрались.

Как в храме том, где Брут Хома служил,
Торжествовал и прах, и черти выли,
И грозный дух земли тогда сразил
Вкусившего бесовской пыли.

Какая пустынь усмирит наш век?
Какая боль грехи искупит наши?
И нам не миновать уже *сей чаши...*
О, Господи! И Ты был человек!

* * *

*Вере Николаевне
Аношкиной,
моему учителю*

Ты, Москва, не ждешь меня, конечно, —
Много самозванцев на Руси
Обивают ноги о крылечко,
Но меня, незваную, впусти!

Электрички мчатся до конечной.
Я же в бесконечность с ними мчусь.
Тают в небе купола, как свечки,
И молитвы излетают с уст.

Потому что все, что человечно,
Что люблю и чем всегда горжусь, —
Вобрала ты все в свое колечко.
Как колечко, бесконечна Русь!

* * *

Никогда никуда не уеду –
Зарубежных не нужно мне звезд:
Если кто-то и держит планету,
То Россия – единый наш крест!

Не хулите ее за убогость,
Неумение делать дела.
Не к лицу вам иконная строгость –
Не рассудком Россия права.

Но молитвой пропойцы-бродяги
Возгорится огонь алтаря,
Но трудами Ивана-бедняги
Да удержится наша земля!

* * *

Когда стою на службе в храме,
То кажется, за нас, глухих,
Горят слепящими свечами
Молитвы Ликов золотых.

И их горящие молитвы
Восходят тихо к небесам,
Чтоб духи ада без ловитвы
Земной оставили бы храм.

РАСКОЛ

“Ах, дети бесовы, не вемо, что творят:
Россию светлую врагу продать хотят!” –
Так Аввакум, ревнитель старины,
Неистово ругался из тюрьмы.

Я Никона грешнее во сто крат,
Хотя люблю старинный наш обряд,
Но как далек обычай тех времен
От нынешних привычек и знамен!

Носить священник джинсы не велит;
И в книгах – ересь, и в картинах – стыд.
Сожженный заживо за веру без новин,
И протопоп все то же говорил:

“Все веды прямо служат сатане –
Одним смирением жить можно на земле!” –
И я десницею крещусь семь раз подряд,
А шуей поправляю свой наряд.

* * *

Новые близятся сроки –
В воздухе зреет гроза.
Где вы, святые, пророки, –
Слепнут без света глаза!

Где вы пророки, святые? –
Время настало смут:
Снова друг друга слепые
В страшную бездну влекут!

В СИЯНИИ ЛУННОМ

В мутном оконце в сиянии лунном
И не захочешь – увидишь в стекле...
– Правду? – И правду! Вот только какую...
С мертвым Людмилу вдвоем на коне...
Или как дядя рассказывал Ване
Горькую правду, что вынес народ...
Только не вынес он, знаете сами,
Эту дорогу. – И то – заведет!
То-то оно, а мы едем, все едем,
Станций все нет, а быть может, того:
Слышали, поезд такой есть на свете
Сквозь времена, – не трамвай Гумилев...
Вон, за окном, параллельно нам мчится...
– Это вам снится. – Да кто там? – Вне нас
Жизнь наша, видно, отстала, стучится...
Слышите стуки. Не слышно сейчас...
Видите: тройка, и пение – слуша-й!
И замерзающий в поле ямщик,
И... для чего-то скупающий души
Чичиков к нам присоседился вмиг!
– Нет, то Чубайс. Так и смотрит нахально.
Так и вцепляется рыжий-то глаз...
– Это ж луна. Рассуждая астрально...
– Продали, суки, Россию и нас...
– Это не так – торгует он газом!
– Газом травили фашисты – заразы! -
Правда, бывает, взрывается газ!
– Эх, и раздолье какое, однако,
Кажется храм, да откуда он здесь?

– Слава те, Господи, что не собака
И не свалившийся под ноги бес!
Ближе, глядите, как будто особа:
Боже! Царица Небесная? Ты ль?!
– Видите? – Видим, но только ковыль,
Да за пригорком сияние словно...
А над гробами читают канон,
– В память разлей!
– Се – единая чаша!
– А во гробех-то мы спим мертвым сном.
И не имамы, Владычица наша,
Иные мы помощи, кроме Твоей!
.....
– Солнце уж встало. Торопится скорый.
Эй, пассажиры, станция скоро!
– Солнце? А мы где?
– А вы где? – Во сне...

**ПИСЬМО
НИКОЛАЮ ВАСИЛЬЕВИЧУ
ГОГОЛЮ**

Я Вас прошу, ведь сон Ваш неглубок,
Смертельной ночь, нависшая над веком,
Очнуться Вам, чудесный странник света,
Распутать исторический клубок.

Никто-никто не знает, как и где
Найдутся силы, чтобы нам подняться,
И горько сознавать себя на дне,
И поздно о прошедшем сокрушаться...

Ах, Николай Васильевич, потом
Досмотрите свой сон, уж Вам известный:
Вы записать должны сожженный Вами том,
Чтобы Россия светлая воскресла!

* * *

О, русская наша земля, разве ты за холмом?
Где твоя красота? Пуст и разграблен наш дом.
Черная тьма забот нам заслонила свет.
На мразь и на татей, знать, богатырей-то нет!
Скудная, словно степь на миллиарды верст:
В озерах не то чтоб рыб – нет отраженья звезд...
Ты ли, моя страна, ты ли Россия есть?!

Знать, ты Россия и есть, коли враги не спят,
Думая, что б еще можно отсель унести,
Зырякая, где б еще можно сокровищ взять!
Кто не успел, кому злата и серебра? –
Глупое воронье: простерло свои крыла? –

.....
Не вынести вам вовек русской души щедрот,
Духа наших святынь, чем и богат народ.

МОЛИТВА

Дай, о Боже, мне слова живаго,
Вразуми и водителем будь,
Не для славной молвы или блага
Укажи мне единственный путь...

Чтоб устами, послушными Богу,
Я б служила России моей –
Только б плат Богородицы строгой
Покрывал ее дерзких детей.

НОВЫЙ СЕЯТЕЛЬ

Свободы сеятель пустынный.

А.С. Пушкин

И новый сеятель приидет
На каменистые бразды –
И семя новое он кинет,
И будет ждать: взойдут плоды!

.....
Посев взошел – рабы воспряли,
И каплей правды мир спасен!
Но что ж ты сеятель, смущен? -
Не залежались семена ли?
И твой напрасен труд всегда ли?

– “Не небеса – им нужно небо,
И зрелищ острых – не молитв.
С земной неправдой не до битв,
Когда останешься без хлеба.

.....
И вторить хочется вослед:
“Паситесь, мирные народы”:
Ничто не изменит природы, –
Ах, что наделал Ты, Поэт!

* * *

Русский характер – крепость и крест,
Крепость и крест, хоть и степи окрест:
Крепость к земле, и к нужде, и к беде,
К холоду в доме, и к скудной еде,
К бабе сварливой, к пустой голове,
К праздникам древним, к чинам и к тому,
Мучает кто, словно черти в аду.
Нож на глаза попадетя – и хватя:
Изверг на небо, а мученик вспяя.
Снова мучитель, и снова терпеть –
Крест целовать и акафисты петь.

СТРАННИК

Дом оставив, шел крестьянин долго
Посмотреть на Радонежского старца,
Позади остались Дон и Волга,
До обители еще-то дён двенадцать.

Вот до места он с трудом добрался
И хотел увидеть чудо тотчас,
Но, взглянувши, странник рассмеялся:
“Видно, бес меня решил морочить:

Нищих и бродяг я навидался
(Как еще живым сюда добрался)!
Да неужли этот-то убогой
Заслужил любовь и милость Бога?

Сей простак – и храма основатель? –
Что в земле копается некстати?!
Кто сподвигнул Дмитрия на битву?
Кто творил победную молитву?

В ком видал преемника Алексей?! –
Лучше б провалиться мне на месте!
И о нем идет такая слава! –
Нет! Для этого годится лишь канава!

Вот труды окончив в огороде,
Отче пот отер с простого лица,
И ему навстречу по дороге
Со своей дружиной князь великой.

Князь, убогого завидев, в ноги прямо
Пал, прося одно благословенье,
По кустам рассыпались, по ямам
Драгоценные его камни...

Догадался странник: “Сей есть Сергей! –
Видно, бес мне очи отуманил!”.
И упал, сраженный, на колени,
С полными раскаянья словами:

*“Отче Сергей! Пощади за дерзость:
Не признал тебя я поначалу –
За одеждой не заметим мерзость,
А души за наготой не чаем!*

Думал, что смиренней всех на свете
Только Бог, а ты – воображаешь...”.

Улыбнулся старец и ответил:
“Обо мне один ты правду знаешь”.

* * *

Поймет тебя тот, кто поймает ветер
И кто выдержит рабство в восьмом колене,
В ком столько ума, сколько и лени.
И пусть всюду тьма. – Свет все же светит!

* * *

Во всем, что есть, есть смысл:
В простом сложенье числ,
В пустом полете звезд,
Упал ли тихий лист,
Иль взмыл он до небес.

Его ищу во всем,
Мой взгляд вотще скользит,
Но счастье, видно, в том,
Что этот смысл сокрыт...

СОДЕРЖАНИЕ

Поверье.....	3
Стараюсь быть как все.....	4
Ничем не лучше и не хуже.....	5
Я гляжу в окно.....	6
Бродило лето где-то по лугам.....	7
Чердак.....	8
Я поссорилась с мужем.....	10
Лицо.....	12
Вокзал.....	13
У истока.....	14
Меня б давно сожгли.....	15
Родному городу.....	16
Восток.....	17
Семейное предание.....	18
Потомок, предавший завет.....	20
Я в городе моем чужая всем.....	21
Сказано: все мы гости.....	22
Когда я вернусь домой.....	23
Пастушок.....	24
Стоять бы деревом в саду и птиц лелеять.....	25
Ветер подул - и дожди полились.....	26
Книги.....	27
Взгляд с портрета.....	28
В свитере ультрасовременном.....	30
Что может быть лучше.....	31
Страсти по Владимиру.....	32
Возможность.....	33
Молитва Рембранта.....	34
Моя Марина.....	35
Окуджава поет.....	36
Октябрь.....	37
Дуэли.....	38

Лунный бред.....	39
Не избранница, а изгнанница.....	40
Птица.....	41
Шелли и луна.....	42
Поэт и смерть.....	43
Чужая всему.....	44
Закон жанра.....	45
Молвила брату сестрица.....	46
Трава.....	47
Марьюшкин крестик.....	48
Как солнце и луна.....	50
Дай мне силу.....	51
Ты – пустой, деревянный мальчишка.....	52
Уйду по-английски.....	53
Сегодня опять дела.....	54
Третий путь.....	55
Высота неведомого свода.....	56
Воспоминание о встрече.....	57
Что сделаю я, когда на экране.....	58
Истина.....	59
Не пируют давно олимпийские боги.....	60
Сон золотой.....	61
Когда от веры русской отреклись.....	62
Ты, Москва, не ждешь меня, конечно.....	63
Никогда никуда не уеду.....	64
Когда стою на службе в храме.....	65
Раскол.....	66
Новые близятся сроки.....	67
В сиянии лунном.....	68
Письмо Николаю Васильевичу Гоголю.....	70
О русская наша земля.....	71
Молитва.....	72
Новый сеятель.....	73

Русский характер – крепость и крест.....	74
Странник.....	75
Поймет тебя тот, кто поймает ветер.....	77
Во всем, что есть, есть смысл.....	78

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Ирина Рябий

Высота неведомого свода
Стихи

Литературный редактор Н.В. Денисов

Оригинал-макет выполнен в РИЦ ЮГУ

Подписано в печать 21.12.2004

Формат 60x84/16.

Гарнитура Times New Roman

Усл.печ.л. 5,25. Тираж 500 экз.

Заказ № 792

Редакционно-издательский центр ЮГУ,

628012, Ханты-Мансийский автономный округ,

г. Ханты-Мансийск, ул. Чехова, 16

622622005
Библиотека Югры

